

СПАСАЕМ ГОШУ

• ВИКТОР СТЕКЛОВ •

ЗОНА
СТРОГОГО
КОНТРОЛЯ

ОБЪЕКТ "ГОША"

ВИКТОРИИ КОСАВКИНОЙ

БЛОК "ГОША"

Бабушки в космосе

Виктор Стеклов

Спасаем Гошу

«Автор»

2026

Стеклов В.

Спасаем Гошу / В. Стеклов — «Автор», 2026 — (Бабушки в космосе)

Для четырнадцатилетнего Кости и его сестры Лизы механическая птица Гоша — настоящий член семьи. Но на пути домой, посреди огромного транзитного хаба, Гоша вдруг начинает забывать их имена. Диагноз безжалостен: его старая земная батарея дотлевет, а современный аналог навсегда сотрет душу и личность птицы. Единственный шанс на спасение кроется на забытой космической обочине — пыльной станции «Затвор». Там у сурового Механика хранится нужная деталь, но обычные кредиты его не интересуют. Цена за жизнь птицы оказывается совсем иной, и чтобы добыть ее, Косте предстоит шагнуть в эпицентр чужой тридцатилетней вражды. Год назад обман уже спас Костю из беды. Сейчас он тоже может украсть, схитрить и получить желаемое. Но повзрослевший герой навсегда отказывается от лжи. Он выбирает тяжелую правду — даже зная, что эта честность может стоить его лучшему другу жизни. «Спасаем Гошу» — пронзительная драма о взрослении, ответственности и цене морального выбора.

© Стеклов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Виктор Стеклов

Спасаем Гошу

Глава первая

— Спой? Я триста песен помню. Или загадку, с подвохом. Давай наперегонки — кто первым до ста досчитает, я кого угодно обставлю, — тараторил Гоша, прохаживаясь по спинке кресла туда-сюда.

Лиза его не слушала — в долгой дороге её разморило, и затевать игру не хотелось. Гоша не умолкал ни на минуту — тихий, заскучавший ребёнок был ему словно заноза. Он заглядывал Лизе в лицо, менял голоса на разные лады, придумывал всё новое, лишь бы у девочки затеплился в глазах интерес. На той самой фразе, где он опять расхвастался, голос подломился на полуслове, и Гоша замолчал.

Лиза подняла голову — птица сидела на спинке кресла, красная и важная, только золотистый глаз глядел теперь не на неё, а в одну точку перед собой и не двигался.

— Гоша? — позвала Лиза, думая, что он затеял новую игру.

Гоша не ответил — взгляд его дрогнул, поискал и не сразу нашёл лицо Лизы, словно Гоша спросонок не мог понять, где очутился. Гоша встрепенулся, перебрал лапами по спинке — и заговорил бойко, как ни в чём не бывало:

— А вот и я. Раз, два, три. В капитаны меня не взяли — так хоть до ста досчитаю, деловито.

Лиза улыбнулась — Гоша был весь в этом, сперва набьёт себе цену, а потом сам над собой и пошутит. Эту его повадку она любила больше всего. Соседка через проход, пожилая, с пушистым зверьком на руках, поглядела на болтуна с неодобрением и пересела подальше.

Костя не улыбнулся, а сидел, подавшись вперёд и уперев локти в колени, и глядел на Гошу внимательней обычного. Видел то, что сестра прозевала, — как тот осёкся посреди счёта, как искал и не сразу узнал родное лицо. Прежде за птицей такого не водилось, и мальчик молча складывал одно к одному. Ещё на взлёте, когда корабль отрывался от Земли, птица так же осеклась на простом слове, а Лиза за своими камешками того не услышала. Запинок стало две — вторая испугала сильнее первой.

На Луне они пересели на другой корабль. Узел гудел на сто голосов — со всех краёв сюда стекались рейсы, и кто только не стоял в очередях. Впереди топталось мохнатое существо в потёртом плаще, держа в каждой из четырёх рук по билету и никак не в силах разобрать, который куда. Уборочный автомат деловито объезжал ноги пассажирам, а одному, зазевавшемуся, мягко посигналил и переждал, будто извинялся. Над головами плыло табло, меняя названия планет, до которых отсюда было рукой подать.

Костя снял Гошу с плеча и посадил на сумку, чтобы птицу не помяли в очереди, и спросил, по привычке, каким рейсом лететь. Уж что-что, а расписание здешнего неба Гоша помнил наизусть.

— Дальше нам по... — бодро начал он и осёкся. Глаз ушёл в сторону, поискал что-то над головой Лизы и не нашёл. — Дальше... а куда мы летим?

Лиза открыла было рот и не ответила. Гоша смотрел на неё снизу, с сумки, и в круглом золотистом глазу не было ни лукавства, ни игры — была пустота, как в окне дома, из которого все уехали. Так он на неё ещё не глядел.

— Домой, — сказала она тихо. — Гоша, мы летим домой.

— Домой, — подхватил он, и глаз снова налился светом. — На Альфу. Ну конечно, я же сам вёл маршрут. Третий рукав, лиловый борт, посадка по второму сигналу. — Гоша

сыпал названиями рейсов и номерами без остановки, торопливо, будто, пока говорит, никакой пустоты и не было.

Костя слушал, стоя чуть позади, и молчал, чтобы не пугать сестру. Эту, третью, запинку он мысленно поставил рядом с теми двумя, и от того, что выходило, ему стало совсем нехорошо. До корабля он понёс Гошу сам, на руках, сказав, что в толпе птицу затолкают, — а на самом деле просто не хотел выпускать его из рук.

Космопорт на Магелланах встретил их светом и гулом. Он висел между двух туманностей длинным сияющим хребтом, и в зале под куполом было не протолкнуться — сюда сходились дороги доброй половины известной вселенной, и над всем стоял такой гул голосов, что себя самого было не слышно. Под ногами липло — кто-то прокатил тут бочку с чем-то сладким, и за ним через весь зал тянулся блестящий след, в котором вязли и чертыхались на десятке языков. Приземистое существо вело на верёвке целый выводок детёнышей, мал-мала меньше, и последний всё отставал и заглядывался по сторонам. У справочной стойки высокая дама в трёх шляпах спорила с автоматом — тот спрашивал, какая ей нужна, а она отвечала, что все три, и понять друг друга они не могли никак. Вдоль стены катил тележку маленький уборщик с печальным вытянутым лицом и сметал ту самую липкую полосу — она не убывала, а он и не унывал.

Лиза, как всегда на Магелланах, завертела головой — после тихого неба Альфы тут было на что посмотреть. Гошу она пересадила на плечо, чтобы и он сверху оглядел всю толчею и, по привычке, поверчал.

Гоша на плече не удержался. Не уцепился, не поворчал, не сказал ни слова — просто мягко осел и повалился вниз. Лиза подхватила его у самого пола, охнула, прижала к груди — и весь сияющий, шумный порт качнулся у неё перед глазами.

— Костя! — Своего голоса она не узнала. — Костя, он падает!

Брат оказался рядом раньше, чем она договорилась. Гоша лежал у неё на руках, завалившись набок, глаз открыт, но неподвижен — не следовал за лицом, как прежде. Костя окликнул его, провёл ладонью у самого зрачка — тот не дрогнул. Вокруг, в двух шагах, текла, толкалась и спешила чужая толпа. Лиза кому-то попала под ноги, и её обошли, даже не взглянув. Дама в трёх шляпах всё спорила с автоматом, уборщик всё подметал.

— Гоша, — позвал Костя тихо и твёрдо, наклонившись к самому клюву. — Гоша, ты меня слышишь?

Глаз не ответил — застыл, уставившись в одну точку, и лицо Кости прямо перед ним ничего не меняло. Откуда-то изнутри, через силу, с задержкой пробился голос.

— Кто... — выговорил Гоша и не договорил.

Внутри у него что-то толкнулось. Глаз ожил, поймал, узнал, птица вздрогнула и ждалась. Видно было, что Гоша сам понял, где он и кого только что не признал, и заторопился, виновато и мелко:

— Костя. Ну да. И Лиза. Я вас знаю. Я просто отвлёкся.

Мастерскую они искали долго — в дальнем техническом ряду, где чинили всякую всячину. В одной палатке кому-то вправляли вывихнутое крыло, в другой костлявый механик на спор глотал и выплёвывал мелкие шестерёнки, зазывая поглядеть. Костя нёс Гошу бережно, как несут полную чашку, и тянул сестру вперёд, пока из низкой двери не потянуло горячей пылью и нагретым металлом. Там она и была.

Хозяин её оказался не человеком, и Лиза, забыв про страх, засмотрелась. Рук у него было много, и все тонкие, ловкие, и каждая знала своё дело, как пальцы хорошего часовщика. Пока две руки бережно принимали Гошу, третья уже тянула к себе светящийся экран, а глаза на гибких отростках глядели сразу и на птицу, и на детей, и куда-то ещё, в свои дела. Видеть всё разом и не путаться — для мастера, должно быть, первое удобство, и этот своим удобством пользовался всюду.

Гошу он повертел, поднёс к нескольким глазам по очереди, отыскал у него на животе крохотную дверцу, которой ни Костя, ни Лиза за всю жизнь не замечали, заглянул туда — и застыл. Потом подтянул к себе экраны, один за другим, забегал по ним руками, сверяя увиденное внутри птицы с тем, что читал, и тихо, удивлённо вздыхал на своём языке, не веря тому, что нашёл.

Наконец он повернулся к детям и заговорил — по-человечески, хоть и с трудом подбирая слова.

— Источник питания изотопный, на никеле-шестьдесят-три, — сказал мастер, разглядывая нутро птицы. — Сердце это у него. Старого земного образца, такие делали ещё на Земле, а теперь не выпускают нигде. Почти сел, и заменить нечем — новый такой взять негде, а чужой ему не годится.

— Так поставьте новую, — попросил Костя. Он всё ещё верил, что любую сломанную вещь можно починить, были бы руки и время. — Любую, лишь бы хватило до дома.

Все тонкие руки мастера замерли разом.

— Не выйдет, — проговорил мастер просто, без жалости и без злости, как говорят то, что знают точно. — Чужая встанет в него — и он погаснет насовсем. А той, что подошла бы, нигде уже не сыскать. Сядет эта — и его не станет.

Лиза прижала Гошу к щеке. Половину слов она не поняла, но ту страшную минуту, когда родная птица посмотрела на неё, как на чужую, поняла без всяких слов — и от сказанного мастером на душе стало ещё темнее.

— Мы летим домой, на Альфу, — обронил Костя, больше себе. — Дома взрослые. Дома разберутся.

— До Альфы не довезёте. — Мастер развёл несколькими руками, и в этом было не равнодушие, а беспомощность, которую он не прятал. — Батарейка сядет раньше. И ни я, ни кто-то лучше меня уже ничего не сделает — когда садится такая, обратно её уже не вернуть. Вы привезёте домой птицу. Только это будет уже не Гоша.

Он отвернулся к разобраным приборам, и по его спине было ясно — разговор окончен, чуда у него нет. Гоша на руках у Лизы поднял тяжёлый, тусклый глаз и медленно, через силу обвёл им сестру, брата, тесную мастерскую — так в семье оглядывают комнату напоследок, перед долгой дорогой, будто хотят забрать её с собой. Всю поездку он только и делал, что хвалился да занимал детей, чтоб не скучали, — это была его работа, и другой он не знал. Теперь, из последних сил, он за неё и взялся.

— Гоша хоро... — выговорил он и осёкся.

Слово повисло в горячем пыльном воздухе, и докончить его на этот раз Гоша не смог.

Глава вторая

Из мастерской они вышли обратно в гремящий зал, и зал этот, минуту назад чужой и весёлый, встал перед ними стеной, в которой надо было отыскать дверь. Костя сунул Гошу за пазуху, чтобы тот не съезжал, придержал его локтем и пошёл сквозь толчею, а Лиза держалась за рукав и не лезла с вопросами, потому что по лицу брата видела, что он считает.

У дальней стены светился столбик связи, и Костя направился прямо к нему, а Лиза подобралась рядом, готовая услышать дома родной голос. Ладонь до приёмника не дошла. Подержав её в воздухе и пошевелив губами, словно примеряя первое слово, он опустил руку, так и не коснувшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.